

ЗАМЕТКИ · СООБЩЕНИЯ РЕФЕРАТЫ

С. Ш. ГАДЖИЕВА

ОБЩЕСТВЕННОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ-КУМЫЧКИ ПО ДАННЫМ ФОЛЬКЛОРА ДООКТАБРЬСКОГО ПЕРИОДА

Привлечение материала устнопоэтического творчества — источника, отражающего мировоззрение трудовых масс, имеет огромное значение для этнографического исследования культуры и быта народа в прошлом и настоящем.

Одной из центральных тем дореволюционного кумыкского фольклора, на которой мы и хотим остановиться в настоящей статье, является тема о положении женщины.

Вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции в быту кумыков сохранялись многие черты патриархально-феодального строя. Главой семьи считался мужчина. Он являлся собственником основной части как движимого, так и недвижимого имущества. Он был неограниченным властителем семьи. Так, Н. Дубровин, описывая кумыкскую семью, писал: «Отец полный властелин своего имущества, и сын не имеет никакого права при жизни отца требовать выдела себе части из имения... Дочери вполне подчинены отцу, пока находятся у него в доме, и выходят замуж по его воле»¹. Кумыкский этнограф Манай Алибеков также отмечает, что сын исполнял всякое приказание отца беспрекословно, не рассуждая о том, правильно ли это или неправильно².

Специфика семейного быта кумыков наиболее ярко проявлялась во взаимоотношениях супругов, в положении женщины-кумычки в семье, в бытовании унижительных для нее порядков адата и шариата. «Муж всегда вправе наказывать поступки жены плетью, — писал М. Ковалевский, — когда совместная жизнь делается невыносимой, жена подчас убегает от мужа и ищет приюта в доме своих родных. Но если муж не согласится дать ей развод, жена должна вернуться к мужу, и родители не должны ее укрывать»³.

Шариат легализовал превосходство мужчины над женщиной. Согласно его правилам, только муж мог дать развод, а жена, уходящая без согласия мужа, должна была срезать с головы четыре косы, уйти из дома босиком, в нижнем белье и оставить все свое приданое мужу. С развитием товарно-денежных отношений в кумыкской деревне отрезание кос компенсировалось тремя рублями денег — «тюк гъакъы» («цена волос»).

При разделе имущества женщина получала меньшую долю движимости и фактически отстранялась от наследования недвижимостью.

Широко практиковались унижительные для нее патриархально-родовые обычаи и порядки — калым, двоеженство, левират, умыкание и т. д.

Внутрисемейные отношения характеризовались отчужденностью между супругами, отцом и детьми.

Согласно шариату и адату, отец не должен был принимать участия в домашнем воспитании детей, проявлять при посторонних привязанность к ним, ласкать их и т. д. Он боялся проявить свое отцовское чувство даже и в отсутствие посторонних, чтобы ребенок не мог привыкнуть к нему. Если при посторонних ребенок обращался к отцу, последний молча отгораживал ему дорогу ногой в знак проявления суровости. Женщина в данном случае должна была посадить ребенка около себя и отвлечь его внимание. Даже когда ребенок плакал, отец не мог взять его на руки и успокоить.

¹ Н. Дубровин, История войны и владычества русских на Кавказе, т. 1, кн. 1, 1871, стр. 639.

² Манай Алибеков, Адаты кумыков, Махачкала, 1927, стр. 31.

³ М. Ковалевский, Закон и обычай на Кавказе, т. II, 1890, стр. 194.

Еще более униженным было правовое положение женщины в обществе. Она не имела права даже присутствовать на собрании общества, не говоря уже об участии в решении деловых общественных вопросов, которые считались делом «не ее ума». Общественное положение нетрудовой женщины было значительно лучше. Она могла после смерти мужа управлять всем хозяйством, влиять на общественные дела, защищать свои интересы и т. д.

Особенно суровы и сдержанны были отношения супругов при посторонних. По адату муж не имел права называть жену по имени. Он обращался к ней словом «гъё» («слушай»).

В связи с различным положением женщины и мужчины было различным и воспитание детей. Мальчику с детства внушалось, что он будущий господин в своей семье. В девочке, напротив, старались воспитать покорность, зависимость от брата, а затем и от будущего мужа. В то время, как 7—8-летняя девочка должна была ухаживать за грудным ребенком матери, а с 10 лет таскать воду, бегать по всем поручениям дома, мальчик освобождался от многих, хотя посильных для его возраста, но непозволительных с точки зрения адата занятий.

Воспитание мальчика в духе его будущего исключительного положения в семье особенно ярко проявлялось в зажиточных семьях. Когда девушка подрастала, ее стремились как можно скорее выдать замуж, не спрашивая, любит ли она того, на кого пал выбор родителей, преследующих чаще всего материальные цели.

На материалах кумыкского фольклора можно проследить, как тяжело переживала девушка неравный и часто ненавистный для нее брак.

Вот, например, песня девушки, которую отец насильно выдает замуж, получив за нее выкуп:

Къарт къатынлар, яш кызылар,
Къабакъ башым сыласын
Авулда болгъан ясда
Мени де айтып йыласын
Къар ябар атып-атып
Къара ерни агъартып,
Мал сюеген атам бар
Бай болсун мена сытып.

(Пусть соберутся старухи и девушки и намажут навес над моими воротами,— когда будет траур на нашей улице, пусть поплачут и обо мне.

Идет снег, закрывает черную землю. У меня есть отец, который хочет разбогатеть; продав меня, разбогатеет).

Как видно из приведенного отрывка, дочь горько упрекает отца, который желает поправить свои дела ее продажей: «Разбогатеет, баем станет, меня продав»,— продолжает она.

Глубокое горе звучит в строках, где она говорит, что лучше бы ей не родиться на свет, или когда она просит подруг поплакать о ней, если по соседству будут похороны.

Мать была плохой защитницей дочери в этих случаях, так как не имела права вступить за нее.

Песня рисует и трогательный образ забитой, бесправной труженицы-матери. От постоянного труда у нее болят поясница и колени; не смея защитить любимую дочь, она до конца жизни будет о ней только плакать:

Эретурса белим деп
Олтурса тизгёзюм деп
Йылай къалсын мени анам
Гюн гёрмеген кызым деп.

(Когда мать встанет, скажет: «Ой, поясница!», когда сядет, скажет: «Ой, колени!» Пусть все время плачет моя мать, что ее дочь не видела счастья).

В кумыкской семье нередки были случаи выдачи замуж девушек за стариков. В этом случае принималось во внимание как экономическое положение жениха, так и его родственные связи. Сидя у камина, одна или среди своих подруг, молодая невеста горько оплакивала в этих случаях свою судьбу. Часто свои горестные сетования она выражала в стихах:

Яш юрегим синдерин
Сатдылар мени къартгъа
Сюйгенимден айырып
Салдылар мени отгъа
.....
Янгъыз уйде, дорт тамда
Йылай туруп тураман.

(Продали меня старику, подавив мое молодое сердце. Отняв меня от возлюбленного, бросили меня в огонь. В четырех стенах одинокой комнаты постоянно плачу).

Наряду с образами девушек, вынужденных покоряться и покорявшихся патриархально-семейным традициям, в народном творчестве кумыков дан и другой образ — образ волевой девушки, смело защищающей свои права. Так, например, в одной песне — «сарыне» — говорится о том, как девушка полюбила бедного юношу, а отец хотел выдать ее за княжеского сына («чанка»). Ни подарки жениха, ни угрозы отца не сломали волю девушки. Будучи уже насильно засватанной, она дает себе клятву быть верной своему возлюбленному:

Чанка улангъа мен барсам
Къарачачым кесилсин
Къара улан мени къойса
Къара ямунчу гийсин.

(Если я выйду за княжеского сына, пусть я лишусь своих черных кос; если возлюбленный меня оставит, пусть надевает черную бурку).

Черной буркой обычно покрывали умершего мужчину, а косы отрезались девушкой при смерти самого дорогого для нее человека.

Отсутствие свободы выбора приводило иногда к тайному побегу девушки из дома родителей. Случаи побега в кумыкской деревне бывали редко, так как побег для девушки, согласно шариату и адату, считался падением, а для ее родителей — унижением их достоинства. Однако, несмотря на это, нередко мысль о побеге подавала юноше сама девушка:

Гел гетейик гетейик
Гече болса не этейик,
Он эки аршин гюлмеллим
Елла ачтыр этейик.

(Давай убежим! А если наступит ночь, разобьем в пути палатку из моего 12-аршинного платка).

К таким смелым, героическим девушкам трудовой народ относится с большой любовью, осуждая поступки их родителей, стремящихся поправить свои дела за счет получаемого калыма. И напротив, резко осуждал тех девушек, которые ради корысти выбирают богатого жениха, оставив храброго, честного, но бедного юношу.

О тяжелом положении женщины дореволюционного Дагестана свидетельствуют также многочисленные пословицы и поговорки. Например:

«У женщины два бога: бог на небе и домашний бог». Домашним богом, как нетрудно догадаться, был муж.

«В доме должно быть два кнута — один для лошади, другой для жены». «Эрсиз къатын югенсиз ат» (женщина без мужа, что лошадь без уздечки).

Особенно тяжелым было положение женщины-вдовы, которая должна была служить у баев и биев, чтобы прокормить сирот-детей. Свое горе часто изливала она, сидя у колыбели ребенка, в причитаниях по умершим родственникам.

Очень характерна в этом отношении колыбельная песня «Бешик йыр», отрывки из которой приведем ниже.

Лайла балам къозум, лайла.
«Шах» деп явагъан янгъур, лайла
«Тап» деп тамагъан тамчы, лайла
Урпагъа да уң да ёкъ, лайла
Шорпагъа да туз да ёкъ, лайла.
Хамугъа ун деп барсам
Титирей алты саным
Байлагъа ишлей туруп
Ачдан оыле яшларым.

Ат туягъын тай басар
Дёрт де уланым бирче оьсер
Терен къашны салырбыз
Тойгъунча ашыкъ алырбыз.
Бийлеге бийкелеге
Сизин къазакъ этмесмен,
Гюнлюк ишин ишлеме
Анагъыз да гетмесмен.

(Сильный дождь идет, шумит. Протекает крыша, бай-бай. Нет ни одной горстки муки, нет даже соли посолить суп. Пойду ли к соседям просить муки — дрожу вся. Для богачей работаю, а дети умирают с голоду. Жеребенок незаметно станет взрослой лошастью, все четыре сына вырастут сразу, глубокую вспашку проведем, досыта хлеба получим. Бай-бай, дитя мое, ягненок мой. Не пушу вас батраками к князьям и княгиням, и ваша мать больше на поденную работу не пойдет) ⁴.

⁴ Записано 5.VII.1951 г. у учительницы Башлыкентской семилетней школы Каякентского р-на Ахмедовой Умуразият (45 лет).

Несколько лучше было положение пожилой женщины. Она была уважаема всеми членами общества, считалась хозяйкой дома, и молодые должны были во всем повиноваться ей. Эта сторона жизни кумыков также отражена в ряде фольклорных произведений, в частности в песне о легендарном герое кумыков — Айгази.

Яш башыма тюшген мени уьч намус
Оланы кьайсын бирин гютейим?!
Айтчы абайым, сен айтгьанны этейим.

(На мою юную голову выпали три неотложные обязанности, посоветуй мать, какую из них в первую очередь выполнить)⁵, — так обращается Айгази за советом к матери Или:

Буда абайным болсун сагъа кьуллукъчу,
Тёр де олтуруп болчу бугьар буйрукъчу»

(Пусть она тебе службу служит, а ты садись на тёр⁶ и приказывай ей), — говорит Айгази матери, поручая ей свою возлюбленную, на которой хотел насильственно жениться князь.

Кое-какие элементы былой свободы мы наблюдаем и по отношению к молодой женщине.

Нам думается, что в вопросах семейного быта дагестанских народов некоторые авторы (М. Ковалевский, П. Петухов, М. Алибеков и др.) допускают одну общую ошибку, заключающуюся в том, что они совсем не замечают никаких, хотя бы элементарных прав женщин, не разграничивают семью трудовую от нетрудовой; рисуют отношения супругов, отцов и детей лишенными всякой гуманности и любви. Н. Львов⁷ в этом отношении пошел еще дальше, утверждая, что положение женщины в Дагестане подобно положению рабочего скота, если не хуже.

Нельзя согласиться с выводом кумыкского этнографа Маная Алибекова, который утверждает: «Что же касается дочерей, то отцы никогда их не видели. Их растили и воспитывали их матери»⁸. Свой вывод Алибеков подкрепляет при этом примерами из семьи верхушки кумыкского общества, князей, баев и духовенства, которые действительно, обладая огромным богатством и властью, занимались в первую очередь своим хозяйством и были совершенно в стороне от домашних забот. Им ничего не стоило прогнать жену, взять новую или иметь нескольких жен, которые на мужа смотрели, как на своего всемогущего господина.

Совершенно иными были семейные отношения у трудящихся крестьян. Мог ли не знать своих детей бедняк, у которого, в лучшем случае, были две комнаты, а часто даже одна, где жила вся семья вместе?

В трудовой семье муж и жена составляли домашний совет, совместный труд цементировал их отношения. Дети, в частности девочки, в таких семьях были ближе к родителям, в том числе и к отцу. Вопреки общественному мнению, шариату, женщины в лице мужа часто имела настоящего друга, товарища в труде и в горе и нередко помощника в воспитании детей. Здесь мужчины лишь при посторонних строго соблюдали общественные правила. Муж любил и своих детей и свою жену, вопреки нормам ислама и старых адатов.

Говоря о тяжелой работе, падавшей на долю женщины, многие авторы изображают мужчин бездельниками, живущими только за счет женщин, забывая, что не легко было и мужчине в дореволюционном Дагестане, что он также работал не покладая рук. Плохо одетые, живущие впроголодь, мужчины часто умирали на полевой работе, особенно зимой во время поливки хлебов. На пять-шесть месяцев отправлялись они на отхожие промыслы, скитаясь в поисках средств к существованию, живя, где попало и как попало.

Взаимная любовь и уважение супругов друг к другу, особенно в трудовой семье, нашли свое отражение в устном творчестве народа. Во многих песнях в ярких красках рисуются лучшие черты девушки или женщины, воспеваются ее внешний облик, ее самоотверженный труд и высокие моральные качества. Ради любимой герои совершают самые опасные путешествия, проявляют необычайную отвагу и героизм. В народном устно-поэтическом творчестве нередко встречаются и глубоко лирические песни, воспевающие нежные и глубокие чувства к женщине.

Бавлардагъы гюлчечек
Чечекдеги гёбелек,
Якьут гимик янасан
Азиз досум Айгерек.

⁵ Песни Айгази, «Чечеклер», Фольклорный сборник, Махачкала, 1939, стр. 281.

⁶ Тёр — почетное место в комнате.

⁷ Н. Львов, Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени, Сборник сведений о кавказских горцах, вып. 3, 1870, стр. 15.

⁸ М. Алибеков, Указ. раб., стр. 31.

(В садах цветов розы, над цветком бабочка. Твоя красота подобна блеску рубина, дорогая моя любовь Айгерек).

Анайдесем айданда
Атлар чабар майданда
Белинг кысымгъа гире
Бетинг алив айданда

(Кони скачут по долине. Твою тонкую талию можно обвить одной рукой. Твое лицо красивее луны).

Айчыгъар аркъа бетден
Дарай чыгъар Дербентден
Мен сени алыр эдим
Болур-балмас женнетден

(Луна всходит из-за горы, шелк идет из Дербента. Я тебя предпочел бы раю, который, впрочем, неизвестно, существует или нет), — поется в старинных песнях.

В поэтическом творчестве народа отражены также и те немногочисленные элементы свободы женщины, которые имели место в дореволюционном Дагестане, у кумыков в частности. Как пример, можно привести многочисленные поэтические состязания юноши с девушкой, мужчины с женщиной.

Вот отрывки из шуточного поэтического состязания юноши и девушки на свадьбе. Юноша поет:

Тана екген тарыкъмас
Оъгюз екген хар къалмас,
Бусурман сени алмасын
Керсенинде ун къалмас.

(Запрягающий телка не знает нужды, запрягающий быка независим, не дай бог мусульманину жениться на тебе, не останется муки даже в керсене) ⁹.

Девушка отвечает:

Отбашда къалакъ болун
Ошик артда бел болун
Насиплины торундан
Айланмагъыр эр болун.

(Недостойн ты быть даже лопаточкой у очага, недостойн быть даже заступом за дверь, горе женщине, мужем которой ты будешь) ¹⁰.

Одним из жанров фольклора, имеющих очень большое значение для нашей темы, являются народные сказки. В них отражены все чаяния трудового народа, его любовь к героям, борющимся за его счастье, их ненависть к феодальной верхушке и духовенству. Эти сказки нередко насыщены подлинно народным юмором. В этом отношении показательна сказка «Как жена бедняка перехитрила мулла, мясника и мельника».

Красавице — жене бедняка — не дают прохода мясник, мельник и мулла. После долгих раздумий муж и жена решают наказать всех троих. Жена берет напрокат красивое платье у соседки и идет за водой. Она встречает всех троих, и каждый просит доставить ему случай встретиться с нею наедине. Она соглашается. Все трое, один за другим, приходят к ней и приносят, в качестве подарка, муку, мясо, одежду и деньги, в которых так нуждается семья. Далее, пришедший муж жестоко наказывает их всех и больше всего мулла. Так, войдя в комнату, где был спрятан в детской люльке мулла, муж радостно восклицает: «Как хорошо, в мое отсутствие у нас родился сын. Дай сюда лампу, я хочу посмотреть, каков наш мальчик». Подняв простыню над люлькой, он притворно выражает удивление, что у новорожденного младенца уже есть усы, одновременно замечая зубы, удаляет их щипцами. Заметив торчащие длинные ноги, муж предложил жене принести пилу, так как ноги «младенца» были слишком длинны. Услышав крики муллы, мельник и мясник тоже выбежали из чулана, а за ними вслед полетели поленья, пущенные супругами.

В этой социально направленной сказке роль женщины совершенно ясна: она активная участница борьбы против несправедливости, против насилия.

Свободное положение женщины в обществе (участие в играх, танцах и т. д.) встречало большие препятствия со стороны реакционного духовенства и верхушки общества. Нередко на талантливых мастериц устно-поэтического и танцевального искусства смотрели как на женщин «свободного поведения». Особенно усилился гнев реакционного духовенства в период шамилевского режима, когда вообще запрещались песни, танцы и другие развлечения народа. Более того, те минимальные элементы

⁹ Керсен — корыто для теста.

¹⁰ Записано 5.VIII.1951 г. от Сухат Гасанбековой (сел. Утамыц Каякентского р-на).

свободы, которыми пользовалась молодая кумычка, конечно, не облегчали ее тяжелого положения в семье и обществе. Она была самой угнетенной из всех трудящихся.

В своей речи на приеме колхозниц-ударниц свекловичных полей 10 ноября 1935 г. товарищ Сталин исчерпывающе охарактеризовал положение женщины до революции.

«Пока женщина была в девушках, она считалась, так сказать, последней из трудящихся. Работала она на отца, работала, не покладая рук, и отец еще попрекал: «Я тебя кормлю». Когда она становилась замужней, она работала на мужа, работала так, как ее заставлял работать муж, и муж же ее опять же попрекал: «Я тебя кормлю». Женщина в деревне была последней из трудящихся»¹¹.

Великая Октябрьская социалистическая революция принесла дагестанской женщине, как и всем женщинам Советского Союза, полную политическую свободу и сделала ее экономически равноправной. Победа колхозного строя, те колоссальные изменения, которые произошли в экономике и культуре кумыков, новое, социалистическое сознание привели к коренному изменению общественного и семейного положения женщины.

Равное с мужчиной право на труд, на отдых и на образование, предоставленное советской женщине Сталинской Конституцией, определило правовые отношения женщины в семье.

Все это нашло свое яркое отражение в устно-поэтическом творчестве кумыков советского периода.

Был на праздниках закон:
Скрыто девушек держать,
Их, как волки, лишь тайком
Смели парни провожать.
А теперь совсем иной
Стала жизнь в стране родной,
Все смеется, все цветет,
Дышит радостью одной.

Кто не видел, погляди:
Молодежь. стоит кольцом,
К парню девушка, смеясь,
Обернулась лицом.
Прежде девушка — овцой,
Парень — волком слыл у нас,
А теперь они во всем
Наравне, как пара глаз¹²,—

поется в кумыкской хороводной песне.

Воспитанные на передовых идеях марксизма-ленинизма, в духе коммунистической морали, советские люди высоко подняли роль женщины в общественном производстве, семейной и общественной жизни и отдают ей должное почтение.

Теперь советская девушка, окрыленная правами, данными ей Сталинской Конституцией, смело утверждает, что друга жизни выбирает она сама, по любви.

Верю я, да в сердце мне
Навсегда запал другой.
На границе дальней он
Бережет страны покой,—

отвечает она юноше, который, прося ее руки, говорит, что смог бы стать с ней наравне в общественном труде.

* * *

Итак, кумыкский фольклор, представляющий ценный источник, своеобразную устную летопись, воспроизводящую историю народа, его борьбу против знати в прошлом, его думы, в настоящее время обогатился за счет новых произведений, посвященных социалистическому строительству, отражающих преобразования, происшедшие в быту и культуре кумыкского народа за годы Советской власти.

Для советских этнографов фольклор представляет неисчерпаемый источник при изучении истории, культуры и быта народов, особенно тех, у которых в прошлом не было письменности на родном языке.

¹¹ Ленин и Сталин, Сборник произведений к изучению истории ВКП(б), т. III, Партиздат, 1936, стр. 642.

¹² Аткай, Хороводная, Фольклорный сборник «От всего сердца», Махачкала, 1940, стр. 107.